

ГЛАВА 1

Элеонора проснулась с давно забытым предчувствием счастья. В прежней жизни бывали такие дни, когда она знала — должно случиться что-то очень хорошее. Обычно ничего не происходило, Элеонора понимала, что не будет и сейчас, но все же весь день провела с этим детским чувством. Скупой на похвалы профессор Знаменский, с которым она отстояла сложнейшую операцию по удалению осколка из плевральной полости, вдруг заметил:

— С вами сегодня было необыкновенно приятно работать!

— Благодарю вас, — она сделала реверанс. Это получилось машинально и вызвало мимолетную неловкость. Хирурги отвели глаза, а Элеонора притворилась, будто страшно занята инструментами.

Но эта оплошность не испортила ей настроения. Она почти физически чувствовала, как в крови у нее пульсирует радость. Бледный-бледный апрельский вечер ласкал ее лицо теплым ветерком. О, это всего лишь аромат приближа-

ющей весны... Под его коварным влиянием в сердце распускаются бутоны надежды, чтобы потом оказаться прибитыми заморозками действительности!

— Ничего не будет! — строго сказала себе девушка.

Но радость, редкая гостья, не спешила покидать ее сердце... И, пока шла домой, Элеонора чувствовала, что люди оборачиваются ей вслед.

Элеонора на секунду остановилась и зажмурилась от странного чувства нереальности происходящего. Вдруг сейчас она откроет глаза и окажется... где? В дортуаре Смольного института? Или в брезентовой палатке полевого госпиталя?

Или, напротив, сном была ее прежняя жизнь?

Элеонора Львова рано осиротела и не знала родителей. Первые годы, которые помнила плохо, росла в семье тетушки, а потом поступила в Смольный институт. За душой у девушки ничего не имелось, кроме титула княжны, поэтому получить хорошее образование было крайне необходимо.

Элеонора поймала свое отражение в тусклом оконном стекле и улыбнулась. Дело было не только в ее бедности. К сожалению, она не блистала красотой, что умаляло и так достаточно призрачные шансы на удачное замужество. Институтки поддразнивали ее, говорили, что она похожа на индейца, и Элеонора нехотя признавала, что доля

истины в этом наблюдении есть. Порой классные дамы напоминали ей о том, что девушке необходимо следить за собой: мол, если она задумывается, у нее становится слишком суровое выражение лица, которое может быть превратно понято.

Словно в насмешку ей достались прекрасные каштановые волосы, настоящее богатство, и необыкновенно тонкая талия. Но чтобы заслужить репутацию красавицы, этого было явно недостаточно.

Кроме непривлекательной внешности Господь, увы, наделил ее острым умом, Элеонора шла первой по всем дисциплинам. Она готовилась к поприщу классной дамы, но тетя взяла ее в свой дом по окончании курса, считая своим долгом хотя бы попытаться найти для племянницы хорошую партию. Ну а коль не выйдет, что ж...

Казалось бы, судьба ее была предрешена, но Элеонора неожиданно нашла интерес в той сфере деятельности, которой посвятил свою жизнь тетин муж, известный хирург Петр Иванович Архангельский. Он тоже расположился к племяннице и мало-помалу пробудил в ней интерес к медицине. Элеонора поступила на курсы сестер милосердия, а чтобы быстрее овладеть профессией, по протекции дяди пришла в самое сердце Клинического института, в его операционную. Ее взяла под свое крыло Александра Ивановна Титова, старшая сестра операционного блока, бессменная помощница Петра Ивановича

ча, и обещала научить девушку всему, что знает и умеет сама.

Знакомство с Титовой состоялось в институте. Элеонора думала, что их представят друг другу как полагается, в доме Архангельских, за обедом или простым визитом, но Ксения Михайловна наотрез отказывалась принимать у себя простолюднику, какой бы верной помощницей мужа та ни была. «Если уж приходится водить знакомство с подобными людьми, главное — всегда соблюдать дистанцию», — поучала она племянницу.

Вспоминая это, Элеонора невольно улыбнулась. Как смешно и беспомощно выглядели теперь эти незыблемые прежде правила! Но тогда, впервые попав в операционную, она согласилась с теткой и дала себе зарок держать дистанцию настолько большую, насколько это возможно. Это была совсем другая среда, совершенно другие люди, и Элеонора сначала ужаснулась нравам своих новых коллег. После чопорной вежливости и безукоризненных манер смолянок доктора и сестры показались ей настоящими чудовищами. Особенно один, любимый ученик Архангельского, Константин Георгиевич Воинов.

Элеонора улыбнулась. О, как же она была наивна! Воинов, еще совсем молодой человек, считался опытным доктором. Он приехал с фронта в отпуск и сразу объявился у своего учителя и благодетеля. Константин Георгиевич был подкидышем, рос в приюте и, вероятно, стал бы

рабочим, если бы не заболел и не попал в Клинический институт. Петр Иванович вылечил его, а мальчик раз и навсегда влюбился в медицину и с тех пор уже не отходил от профессора Архангельского. Петр Иванович помог юноше выучиться и потом с удовольствием передавал ему все свои знания. Наверное, он привел бы его в семью на правах приемного сына, если бы не яростное сопротивление жены. Она терпеть не могла Воинова, называла не иначе как «парвеню» и говорила, что если человек подлого происхождения по какому-то недоразумению выучился на доктора, то это еще не значит, что нужно принимать его в обществе. Пусть лечит мужиков! «Он и лечит мужиков. На полях сражений!» — отвечал Петр Иванович, убедившись, что жена его не слышит.

Стыдно вспомнить, но сначала Элеонора полностью разделяла мнение Ксении Михайловны. Этот молодой человек, сильный, стремительный, с жестким взглядом, пугал ее настолько, что она побаивалась находиться с ним в одной комнате. Она постоянно ожидала от доктора какой-то оплошности и была настороже. А самое ужасное состояло в том, что Воинов прекрасно видел ее страх и жалел ее — мол, она слишком молода и невинна для поприща сестры милосердия.

Константин Георгиевич решил использовать свой отпуск для работы с наставником: перенять новый опыт, да и просто вспомнить, что хирургия — это не только огнестрельные ра-

нения. Каков же был ужас Элеоноры, когда Александра Ивановна назначила ее помогать молодому доктору на операциях! Худшего испытания она представить не могла, но отступить было не в ее характере. Когда она увидела, как бережно Воинов обращается с пациентами, как старается им помочь, как умеет собраться в критической ситуации и вырвать у судьбы тот единственный шанс из тысячи, предубеждение ее рассеялось.

Обычно перемены в человеке совершаются незаметно, исподволь. Он живет, погруженный в свои заботы, и лишь случайно замечает, что стал выглядеть иначе и совсем по-другому думает о многих вещах.

С ней было не так.

В тот день они закончили плановые операции и сели готовить материал. В Смольном Элеонора считалась одной из лучших рукодельниц и сейчас освоила искусство приготовления марлевых шариков и салфеток без малейшего труда. Александра Ивановна один раз показала ей необходимую последовательность движений, и у Элеоноры дело пошло быстро и аккуратно. Кажется, она немножко разочаровала этим остальных сестер, которые называли ее «белоручкой», не слишком заботясь, слышит она их или нет.

Работа была механической, и между сестрами завязывался разговор, тягостный и пошлый, в основном касающийся мужей и возлюбленных. Иногда Александра Ивановна вну-

шительно кашляла, сестры с неудовольствием поглядывали на Элеонору и замолкали, но после небольшой паузы беседа возобновлялась в том же духе.

Элеонора старалась не вслушиваться. Это была совсем другая жизнь, другой круг, и если следовать совету Ксении Михайловны и соблюдать дистанцию, то эта пошлость никогда ее не коснется.

Приготовление салфеток было обязательным для всех сестер, но Элеонора решила, что попросит Титову сажать ее где-нибудь отдельно от других, так, чтобы ни ей не пришлось слышать эти душевные речи, ни сестрам сдерживаться.

Вдруг раздался характерный стук распахнувшейся двери в операционное отделение и сразу вслед — грохот колес по коридору.

Александра Ивановна отложила марлю и выпрямилась.

— Саша! Открывай операционную быстро! — кричал Воинов.

Титова выбежала из материальной комнаты, Элеонора последовала за наставницей.

— Быстро, быстро! — повторял Воинов.

Он распахнул дверь в ближайшую операционную, схватил на руки лежащее на каталке тело и перенес его на операционный стол.

— Давай, Сашенька, милая, времени нет совсем!

Не произнеся ни слова, Титова открывала биксы с бельем и инструментами.

Подумав, что времени на классическую обработку рук не будет, Элеонора словно по наитию взяла склянку со спиртом и полила на руки Саше, Константину Георгиевичу и молодому ординатору, прибежавшему вместе с ним.

Коротко кивнув, Воинов растер спирт по рукам и молниеносно нырнул в стерильный халат, который ему подала Саша.

Тем временем Сашина помощница, полная женщина средних лет, одна из немногих, кто искренне симпатизировал «белоручке», налаживала внутривенное вливание физиологического раствора и готовилась дать эфир.

— Что здесь, хоть в двух словах? — отрывисто спросила Саша, подавая Воинову корнцанг со спиртовой салфеткой для обработки операционного поля.

— Падение с высоты. Внутреннее кровотечение, а что именно, сейчас узнаем. — Быстро обработав поле, Константин Георгиевич выбросил корнцанг в таз и взял скальпель.

Тут в операционной возник профессор Крестовоздвиженский и воскликнул:

— Что вы творите, доктор!

— Что? Хочу остановить кровотечение!

— Тут же все ясно, коллега. Пациент, как говорится, уже убит, но еще не умер. Зачем вы идете на фатальную операцию, которая ничем не поможет этой несчастной?

Неужели это женщина? Элеонора впервые набралась храбрости и посмотрела на то, что ле-

жало на операционном столе, прикрытое стерильным бельем. Да, женщина, причем молодая и, кажется, красивая... Но как страшно было ее лицо! До этого Элеонора присутствовала только на простых вмешательствах, и пациенты выглядели совсем иначе. Да, недуг накладывал свой отпечаток на их внешность, многие были бледные, или, наоборот, желтушные, истощены или болезненно отечны, но такого она не видела никогда раньше. На лице этой девушки лежала тень смерти, это было видно совершенно ясно. Элеонора не смогла бы сказать, в чем тут дело и почему ей стало жутко, но живой человек так выглядеть не мог.

Воинов тем временем сделал разрез на животе девушки.

— Я действую по принципу Пирогова, — буркнул он, не глядя в сторону профессора, — когда больше нечего терять!

— Ах, доктор, доктор, — Крестовоздвиженский покачал головой, — вечно вы устраиваете какие-то авантюры за пределами здравого смысла и даже гуманности...

Но Воинов его больше не слушал, полностью сосредоточившись на операционном поле. Когда он вошел в брюшную полость, Элеонора с ужасом заметила, как кровь, скопившаяся внутри, медленно переливается через края раны и по операционному белью стекает на пол. Почувствовав, что теряет сознание, она приказала себе собраться. Сейчас каждая секунда на вес

золота, каждое движение, и она должна сделать все, что может, а если ничего не сможет, то хотя бы не мешать!

— Черт, не могу найти источник! Полный живот крови! Саша, давай салфетки, все что есть!

Элеонора побежала в соседнюю операционную и принесла большой бикс с салфетками.

Она еще совсем неопытная сестра, и толку от нее мало, но пусть Титова видит, что она здесь и готова выполнить любое ее распоряжение.

Встав в углу, она вытянулась в струнку, сжала кулачки и стала молиться, чтобы у Воинова все получилось. Краем глаза она заметила, что профессор все еще стоит на пороге со скептической усмешкой, насколько можно понять выражение лица, когда оно наполовину закрыто хирургической маской, и не делает никаких попыток помочь Воинову.

— Есть!!! — крикнул Константин Георгиевич. — Зажим в руку!

Через минуту в таз полетел какой-то синий сгусток.

— Разрыв селезенки, — сказал Воинов гораздо спокойнее, — ну, кажется...

Он принялся салфетками осушать брюшную полость и осматривать все органы, чтобы проверить, только ли в селезенке дело или повреждено что-то еще.

— Пот со лба! — приказала Саша, и Элеонора быстро подскочила к Воинову и одним движени-

ем отерла ему лоб. Ту же операцию повторила для ассистента и для Саши.

— Гемостаз есть! — Константин Георгиевич перевел дыхание. — Сейчас капайте ей как можно больше физиологического раствора. Проверьте там, поднимается ли давление хоть немного, а мы начинаем обратный ход.

— Все будет хорошо, Константин Георгиевич, — сказала Сашина помощница, — хорошо, что взялись, не послушали маститых профессоров.

— Рутинная, в сущности, операция, — хмыкнул Воинов, принимая от Саши иглодержатель, — первую спленэктомию выполнил Жюль Пеан еще в 1867 году, а мы тут сомневаемся, стоит делать или не стоит. Особенно если альтернатива понятно какая.

Набравшись смелости, Элеонора посмотрела на пациентку. Она все еще была очень бледна, но уже не страшной мертвенной белизной.

Когда Воинов начал ушивать кожу, в операционную снова заглянул Крестовоздвиженский.

— Пока жива? Удивительное дело, — едко заметил он, — особенно если учесть, что девушка хотела покончить с собой. Что ж, если артериальное давление держится, возможно, ее планам и не суждено будет сбыться. Но исходно дело представлялось совершенно безнадежным.

Воинов рассмеялся:

— Когда надежда есть, невелика заслуга победить...